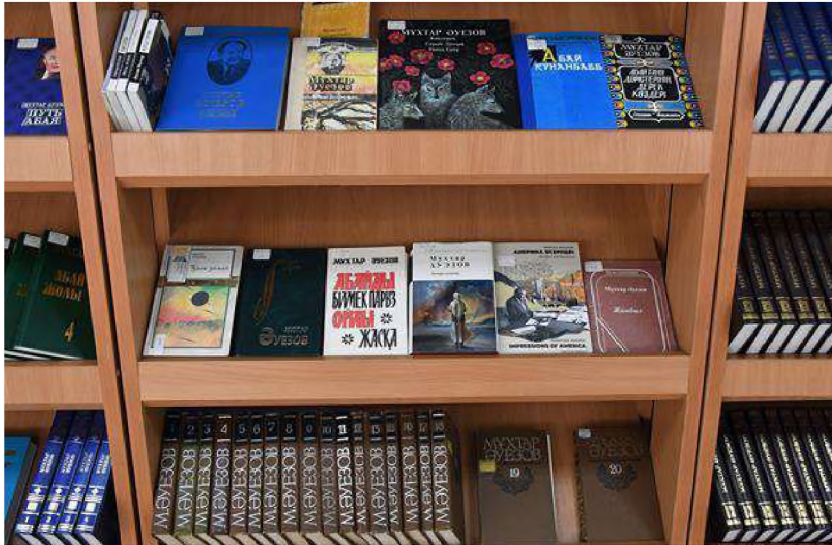

Казанская

Правда

Писатель и его книги

В честь 125-летия писателя, одного из основоположников казахской литературы и драматургии, лауреата Ленинской и Сталинской премий, академика Мухтара Ауэзова в залах Национальной библиотеки РК открылись книжно-документальные выставки.

Гордость казахской культуры

Творческое наследие Ауэзова – это достояние народа и бренд отечественной культуры. Он стоял у истоков золотого века национальной литературы и поднял ее от эпоса до эпопеи. Имя писателя при жизни стало известно во всем мире, а его творческий путь – самобытное явление в мировой литературе.

Мухтар Омарханович писал, что прошел через три общественные формации – феодализм, капитализм и социализм: «В некотором смысле, как мне кажется, я мог бы явиться человеком-справкой, у которого между отрочеством и сегодняшним днем лежат буквально века. По всему тому, что я видел, пережил, наблюдал, я пришел в середину XX столетия как бы из далекого... азиатского средневековья».

В творчестве Мухтара Ауэзова эти исторические особенности нашли талантливое воплощение, благодаря чему казахская литература зазвучала на весь мир. Современники называли его вторым Абаем, сравнивали его эпопею с поэмами Гомера, романами Сервантеса, Дефо, Гете, с трагедиями Шекспира.

На выставке «Кемел ойдың кеніші, кенен сөздің өрісі», открывшейся в библиотечной службе редких книг и рукописей, можно увидеть первые издания романа «Абай», прославившего Мухтара Ауэзова как писателя мировой величины и основоположника нового направления казахстанской литературоведческой науки – абаеведения. Четырехтомный роман-эпопея «Путь Абая» о жизни великого поэта и просветителя вошел в серию «Библиотека всемирной литературы».

Дочь писателя Лейла Ауэзова в своем исследовании «История Казахстана в творчестве М. Ауэзова» писала, что весь творческий опыт, накопленный ее отцом в предыдущих трудах, в той или иной мере вобрала в себя эпопея об Абае. И в связи с этим напомнила слова Чингиза Айтматова о том, что и до «Абая» Ауэзов был заметным мастером: «Лихая година» свидетельствует, что задолго до «Абая» писателем уже была освоена форма широкого эпического повествования. И «Лихая година» – один из первых мощных притоков, породивших впоследствии половодье ауэзовской эпопеи».

«Вы еще не прочли «Абая»? Значит, вы ничего не читали...»

Автор другой работы – «Мастерство Мухтара Ауэзова» – ученый-филолог Евгения Лизунова в 1968 году утверждала, что «писатель национален во всем: в щедром, великолепном языке, в стихии художественных образов, в поэтических ассоциациях, во всеохватной любви к своему народу».

А еще она привела высказывание немецкого писателя и переводчика Альфреда Куреллы, которое, по ее мнению, выразило чувства зарубежных читателей: «Вы еще не прочли «Абая»? Значит, вы ничего не читали. Это невероятно, это удивительно! Степь ожила и пошла на вас во всем великолепии ее первозданной природы, ее жестами и цельными характерами. А какие страсти – шекспировские! Вы ощущаете эпоху как ни в одном научном исследовании. А какая поэзия! Ни одной прозаической строки в этих двух объемистых книгах, напечатанных в форме прозы».

Внимание привлекает и издание 1957 года «Творческий путь М. Ауэзова», где говорится о влиянии великого Абая на маленького Мухтара. Юный Ауэзов мечтал стать мугалимом-учителем, чтобы просвещать народ. Но судьба подарила ему огромный писательский талант. Дед мальчика Ауэз заставлял внука заучивать стихи Абая. Мухтар узнавал таким образом народные предания, обычаи, сказания о

храбрости батыров. Он заучивал длинные переводы из «Евгения Онегина», монолог узника из поэмы Лермонтова «Исповедь». Именно они открывали перед ним новый, неведомый мир с другими нравами и обычаями.

Перед глазами Мухтара тем временем проходила каждодневная жизнь с самоуправством волостных управителей и царских чиновников. Он знал о барымте – угоне скота, столкновениях из-за пастбищ и колодцев для водопоя скота. Видел Мухтар, как получали калым за его сестру, когда ее выдавали замуж.

Художники слова как хранители истории и культуры

Несомненно, эти события сыграли свою роль в формировании мировоззрения писателя, как и годы учебы в Ленинградском государственном университете, и аспирантура в Среднеазиатском университете в Ташкенте. Все это помогло говорить ему о казахском фольклоре в категориях науки, несмотря на то, что в 1920-1930 годы такая тематика была опасна: обвинения в пантюркизме могли стоить жизни.

Величайшая заслуга Мухтара Ауэзова состоит в том, что он глубоко и мудро знакомил мирового читателя с казахской литературой и фольклором. Здесь, думается, интересным будет высказывание самого писателя: «Меня в Токио осаждали одним вопросом: как у нас в стране сочетается естественное желание художника наиболее полно выразить себя в искусстве с требованием партийности? И я ответил: высшая премия, Ленинская премия, присуждена у нас в числе немногих других скульптору Коненкову за произведение, в котором он с предельной силой выразил себя, ведь скульптура эта так и называется «Автопортрет»...

Самое раннее произведение писателя – пьесу «Еңлік – Кебек» – издали на латинице ровно 100 лет назад, в 1922 году, она представлена на выставке. На самом деле эту трагедию любви Мухтар Омарханович написал еще раньше, в 1917-м. В том же году пьесу впервые поставили в ауле в юрте Айгерим – жены Абая Кунанбаева. И постановка стала подарком по случаю выдачи замуж Акыш – внучки Абая.

Позже, в 1926-м, этой пьесой открыл занавес первый казахский драматический театр, ныне носящий имя Мухтара Ауэзова. Отшлифованная автором в течение десятилетий народная трагедия,

повествующая о светлом чувстве любви и ушедших нравах патриархально-родового общества, вошла в национальную сокровищницу. Пьеса интересна широкой картиной степной жизни, правдивыми характерами. Такова Енлик, воспротивившаяся воле отца и бежавшая от подневольного брака с любимым Кебеком. Таков и Кебек, пылкий в своем чувстве к Енлик и нежный к своему ребенку...

Обратившись к народной поэзии как к источнику творчества, Мухтар Омарханович увлекся изучением фольклора. Результатом стало эпическое сказание «Козы Көрпеш – Баян Сулу», которое писатель опубликовал в 1935-м в записи от акына Жанака. Так он познакомил читателя с наиболее полным художественным текстом народного сказания, существовавшим до этого во многих вариантах разных сказителей-акынов. При этом писатель справедливо оценивал роль акынов, представляя их не только как простых хранителей и передатчиков исторической информации, но как художников и мастеров слова. Таким Ауэзов представляет в своей статье «Казахский эпос и дореволюционный фольклор» сказителя Марабая, создателя нескольких вариантов «Кобланды-батыра» и «Ер-Таргына».

Особое место в творчестве писателя занимает драма «Байбач-токал» («Жены-соперницы»), где он первым в художественной литературе поднял проблему многоженства, смог с изумительной чуткостью и исторической правдивостью в художественной форме описать психологическую драму байбач-токал, вынужденных жить в сложных семейных отношениях.

Интересны мысли писателя о песнях, которые хотя считались народными, но, в отличие от подлинно народных, были насыщены арабизмами, перешедшими из Корана и молитв. К примеру, Мухтар Ауэзов писал, что муллы, ишаны и ходжи, учитывая, что ислам трудно распространяется среди казахского народа, приспособляли народную песню к религиозным целям.

Эволюция взглядов и выход из партии

В читальном зале «Қазақстан кітаптары» развернулась другая выставка – «Әлем таныған Әуезов», где можно ознакомиться с произведениями писателя, изданными начиная с 1947 года. Есть здесь также энциклопедии, биографические справочники и литература о Мухтаре Ауэзове.

Из почти 400 изданий глаз выхватил книгу «Неизвестное в наследии Мухтара Ауэзова. Архивные документы». Эпистолярные материалы, стенограммы, выступления, докладные записки проливают свет на некоторые моменты из жизни писателя. Документы объясняют, к примеру, резкий уход Ауэзова в начале 1920-х из бурной партийной и общественной жизни, который сопровождался сначала просьбами об отпуске, затем спорами с рьяными исполнителями партийной линии, противоречившей интересам казахского народа.

Писатель осознавал, что, став орудием партийной власти, он не сможет быть открытым для живых человеческих чувств и поступков. Боль о судьбе народа отразилась в подготовленных Ауэзовым документах после его поездки в Уральск и другие города по вопросам голодающего населения. Разруха, отсутствие внимания к проблемам казахского народа, голод способствовали эволюции взглядов писателя и привели его к выходу из коммунистической партии.

Здесь же, в книге «Неизвестное в наследии Мухтара Ауэзова...», опубликовано выступление переводчицы Анны Никольской на алматинском вечере общественного обсуждения романа «Абай» 15 мая 1944 года. Думается, надо напомнить о том, что в советские годы роман об Абае был переведен на русский язык коллективом переводчиков. На самом деле роман перевела репрессированная Анна Никольская, но ее имя не упоминается на титульном листе. Именно ее труд использовали для перевода романа на более чем 20 языков мира.

«Книга носит название «Абай». А я бы сказала, что это больше, чем Абай, это подлинная эпопея, книга о Казахстане третьей четверти прошлого столетия, – утверждала она. – Во время обсуждения романа было высказано мнение... что нельзя в таком зрелом, истинно художественном произведении давать народ в виде подавальщиков блюд, летящих по степи на иноходцах на посеребренных седлах, с блюдами дымящегося мяса в руках, с головами, повязанными белым шелком. Красиво, но мало.

Да, этого было бы мало. Согласна. Но не согласна, что народ подан именно и только так. А шайка или отряд Балапаса и Абылгазы? А целая система их борьбы, их протеста, прекрасно осознанная Кунанбаем, как борьба и протест народа, а не простой грабеж и конокрадство, и именно поэтому страшная ему? А описание джута, полное маленьких, но запоминающихся лиц – то пастухов, то табунщиков, то возмущенных джигитов, бурлящих, негодующих, но еще не сумевших организовать

свой протест во что-нибудь иное, большее, чем романтические набеги, я бы сказала, партизанскую систему мести и ослабления противника?»

Никольская в связи с этим привела в пример режиссера, теоретика сценического искусства Станиславского. Однажды в разговоре с ним она употребила выражение «главные артисты», на что режиссер парировал: «В моем театре все артисты главные с той минуты, как они выходят на сцену». Именно так, как у Станиславского, в романе Ауэзова был представлен народ: все его персонажи – главные, как только они попадали на страницы книги.

Анна Никольская подчеркивала, что книга Мухтара Ауэзова – это ценнейший вклад в литературу, «и не только в казахскую, и не только в литературу – ее значение шире. Это вклад и в языковедение, и в историю Казахстана. Мимо этой книги не пройдет ни один историк, ни один этнограф». По ее словам, язык романа богатый, разнообразный, насыщенный и «местами был чрезвычайно трудным для перевода, поскольку полон идиом, специфических казахских оборотов, игры слов...»

Встреча через 20 лет

«Слово об отце» – небольшая книга Турсына Журтбая представляет собой диалог с дочерью Ауэзова от первого брака – Мугамилой Мухтаровной, который состоялся 18 марта 1986 года, когда ей уже было за 60.

Дочь рассказывала о том, что услышала от матери. Как весной 1916-го, когда молодой Мухтар приехал из семинарии в аул на каникулы, дед Ауэз и дядя Разак задумали его женить. Услышав об этом, младший сын Абая – Турагул сообщил, что у его друга по имени Какен есть красивая, благовоспитанная дочь Райхан. После этого семеро джигитов выехали якобы на охоту и на ночлег заехали в аул Какена. Однако его 15-летняя дочь не показалась им на глаза. Возможно, из-за робости, а может, свою роль сыграло строгое воспитание. Спустя некоторое время под видом заблудившихся охотников джигиты вновь приехали, и в этот раз Мухтар увидел свою будущую жену.

Свадьбу сыграли летом 1917 года, на следующий год родилась Мугамила. Когда Райхан еще кормила дочь грудью, она забеременела сыном, которого называли Шоканом. На вопрос, почему ее родители расстались, ведь в семье уже было двое детей, Мугамила ответила, что

отца, скорее всего, не устраивали необразованность жены, ее непригодность к городской жизни. И добавила, что ее мать была хрупкой, белолицей скромной женщиной, которая стеснялась людей, приходивших к мужу в их дом, а потому она повесила перед кроватью занавес.

«Конечно, духовные потребности отца, мечты и чаяния, небеса, куда он взлетел, были выше, чем у матери, – продолжила Мугамила Мухтаровна. – Она, хотя и была матерью двоих детей, но ей было всего 18–19 лет... Некрасивой, непривлекательной ее не назовешь. Была обучена арабской грамоте. К тому же ее ведь не просто сосватали, а он сам выбрал...»

После развода народные бии вынесли решение сына отдать отцу, а дочь оставить с матерью. Райхан в это время сидела за тем же занавесом и обливалась слезами. Больше всего для нее была разлука с восьмимесячным Шоканом. «Шокан был вылитый Мухтар, с высоким лбом, даже волосы были кудрявыми», – вспоминала слова матери Мугамила.

Пока Райхан обнимала сына перед разлукой, Мухтар сел на коня с маленькой дочерью и скрылся с глаз. После этого мать с дочерью встретились только спустя 20 лет!

«После развода отец женился на тете Камиле. Меня взял с собой в Семипалатинск, – продолжила Мугамила Мухтаровна. – Тетя Камиля была красивой женщиной... я росла у нее баловнем... Тетя Камиля родила двоих детей, помню, что одного ребенка назвали Зере. Но они скончались в младенческом возрасте... А Шокан остался в доме дяди Разака, у него было много детей. Шокан заболел брюшным тифом, когда уже всю бегал, и умер... А ранним утром 17 сентября 1930 года увели отца. Мы (речь идет о третьей супруге Ауэзова – Валентине Николаевне и их дочери Лейле, живших в то время в Ташкенте, – Авт.) остались в горе и неизвестности... не было сочувствия со стороны родственников, никто нам не подал руки».

Трудные годы

Спустя месяц после ареста мужа, Валентина Николаевна с дочерью Лейлой уехала в Ленинград. Мугамиле пришлось жить на улице, пока не приехал друг отца Алькей Маргулан. Он сообщил, что Мухтар находится в алматинской тюрьме: «Ты здесь не оставайся, уезжай... Найди дом

Ахметбека Шикибаева, которого ты знаешь. Дальше скажут они». Он купил Мугамиле билет на поезд и в попутчики дал молодого джигита – будущего знаменитого ученого-академика Шафика Шокина. И еще купил туфли, так как девочка была босой.

С письмом Алькея Маргулана в руках Мугамила еще пять дней ночевала на Алматинском железнодорожном вокзале, пока нашла дом Ахметбека, который сделал для нее много доброго, по сути, спас ее от голодной смерти. Более того, жена Ахметбека – Капажан готовила еду, которую Мугамила носила отцу в тюрьму.

«С 11 до 14 лет мои дни прошли между домом и тюрьмой. Я была сиротой при живых родителях... и две названные матери были живыми, а я жила у чужих людей, приемная мать оставила меня одну, без денег на Ташкентском вокзале, – вспоминала Мугамила Мухтаровна. – Тюрьма находилась на окраине города в Тастаке. Дорога трудная... в 6 утра я выходила из дома и еле добиралась ближе к обеду. В очереди всегда было много народа, цепочка людей протягивалась до двух километров... Все нужные вещи находил дядя Ахметбек. Это он показал тюрьму отца и сделал возможными наши свидания. А ему не разрешали видаться, да и опасно это было».

...Выйдя на свободу, Ауэзов стал преподавать. Друг и поэт Ильяс Джансугуров советовал ему бросить политику и заняться творчеством. И в 1933 году Мухтар Омарханович выпустил первое полное собрание стихов Абая «Абай Құнанбайұлы. Толық жинақ» на латинице, подготовил первое научное собрание произведений Абая. Трудно переоценить роль Ауэзова в изучении и познании всего, что было создано Абаем. Мухтар Омарханович стал основоположником абаеведения – научного направления в казахском литературоведении.

К первому пленуму Союза писателей Казахстана в мае 1937 года Ауэзов являл собой самую яркую фигуру на литературном небосклоне, но и самую преследуемую: его труды продолжали запрещать местные органы НКВД, изымали из библиотек, его самого уволили с работы.

Тогда он уехал в Москву, где много сотрудничал с писателем Леонидом Соболевым. С началом войны Ауэзов вернулся на родину и в 1942-м выпустил первую книгу романа «Абай». В 1945-м, в год столетия Абая, Ауэзов написал либретто оперы «Абай», сценарий художественного кинофильма «Песни Абая», новый вариант биографии Абая и несколько статей о нем. Писателя наградили орденом Трудового

Красного Знамени, он стал лауреатом вначале Сталинской премии первой степени, а затем – Ленинской, доктором филологических наук, профессором, академиком АН Казахской ССР.

Летом 1961 года Мухтар Омарханович вновь уехал в Москву, в этот раз на лечение и, как оказалось, в последний раз. Этим же летом, 27 июня, он умер. Похоронен в Алматы.

ШУЛЕМБАЕВА РАУШАН
корреспондент

